Новогодняя ночь

Иоланта Сержантова

Иоланта Сержантова

Новогодняя ночь

«Автор»
2023

Сержантова И. А.

Новогодняя ночь / И. А. Сержантова — «Автор», 2023

ISBN 978-5-00207-166-1

Сколько бы ни было нам лет, мы все в плену чудес новогодней ночи, но даже если события очередного года не оправдывают наших надежд, мы стараемся делать что-то необыкновенное для других, передаём им факел веры в добро и справедливость, которые уже сами по себе - чудо.Все персонажи являются вымышленными, сходство с реальными событиями и людьми случайно.Рекомендуется для внеклассного чтения.

ISBN 978-5-00207-166-1

© Сержантова И. А., 2023
© Автор, 2023

Содержание

Сумерки 5
Обыкновенное 6
Охота 7
Сын 8
Однако… 10
Быть добру 11
А наутро… 12
Ноябрь 13
Счастье… 14
Слово 15
На этот раз 16
Как и всегда… 18
Неужто 19
Повод 20
Под спудом снега 21
Набело 22
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Иоланта Сержантова
Новогодняя ночь

Сумерки

Сумерки, позабывши про своё предназначение – быть на подхвате утра с ночью – перед рассветом и немного погодя вечерней зари, несколько времени тому назад прочно утвердились взамен дня. Махнув рукой на приличия, они полулежали на широкой скамье горизонта, и подложив под голову подушку березняка, откровенно ленились. Без стеснения, и, не скрывая того, сумерки оставили выполнять те, мелкие и незначительные, если не затрагивать существа дела, но имеющие определённый смысл поручения, к коим и были, собственно, приставлены они испокон веков. Ведь нельзя, скажем, прямо так, враз, без упреждения, ночному цветку или, к примеру, летучей мыши, либо бабочке оказаться при свете. Тоже и супротив, – привычному к свету цветку надобно дать привыкнуть к темноте, ибо ставни лепестков, что смыкают они на тёмное время суток, тоже затворяются не так, чтобы очень уж скоро.

Минуя свершившийся уже непорядок, округе передались и уныние сумерек, и их непреходящая серость. Дни стали непохожи на дни. Лишь ночам удавалось сохранить в себе чистоту. Покрываясь испариной звёзд, они мрачнели от натуги, уповая на то, что будет-таки однажды доложено солнцу о том, которое в мире как.

Ну, так и прознало солнце, и рассвирепело донельзя оно. Те, кто был при этом, пересказывали прочим про то, как клубилось солнце в небе. Яростно и неотвратимо. Оно казалось ненастоящим, стоящим того, чтобы попробовать рассмотреть его, даже взамен утраты возможности после видеть что-либо вообще. Но увы, это было невыносимо. Светило больно било любопытствующих наотмашь по глазам. Всякий отпрянувший тотчас зажмуривался, прятал за руками лицо, и мог разобрать подле себя одно лишь яркое пятно повсюду. И даже после того, как оно рассеивалось, долго ещё ощущались неловкость и недомогание.

Говорят, что когда сумрак, побросав нажитое, таки исчез, то слой обращённых в пепел облаков, оставшихся после него, был столь притягателен и красив, что от него невозможно было отвести взора. Давно замечено, что в красоте главное не размеренность черт, но выражение достойно перенесённого некоего страдания, ведомого ему одному.

Ведь, коли по чести, – неспроста то было, сумрак, да и мало ли что у кого на душе…

Обыкновенное

Обыденность – кого она не съест…
Автор

Сладок глоток рассвета. Нёбо неба саднит слегка. Оцарапанное лишённой листвы кроной леса, кровит и стонет голосом ястреба, что машет крылами, гонит прочь боль, из-за которой всякий раз не найти себе места.

Деревья на просвет рядятся одуванчиками. Неловко им без листвы-то, отвыкли, чай. Хотя, что-то скоро слишком. Силятся шумнуть, похлопотать ладонями друг об дружку, да уж и нечем. Толкаются плечами одно об другое. Необидно, сухо, по-родственному, с таким стуком, коим обыкновенно кий разбивает скользкую пирамидку бильярдных шаров.

Радуга облака усердствует вдали, но соперничая с зарёю, она повсегда остаётся на бобах. То не нами заведено. Для нас. В назидание.

И не дышал ещё мороз на зеркала, тех, что забыла ныне в спешке осень, а уже зябко ступать, гулко. Неприветным, скорбным ледяным звоном отзывается она.

Синицы первыми, заблаговременно перебрались ближе к человеческому жилью, заглядывают просительно в окна, напоминают об себе. Строчат невидимые письмена крыльями по воздуху, мешают рассмотреть дятлов, что, поступаясь свободой характера, развешивают серпантин покороче троп от дупла к хозяйскому саду. Так только, как бы ни для чего, а на всякий случай, которого можно и не дожидаться, – явится вскорости сам. Лесные козочки – те хозяйничают во всю, объедая нижние ветви яблонь с вишнями и жёлтые, длинные бивни переросшей тыквы, запутавшиеся в траве. Спать ложатся тут же, рядом, в паре шагов от окна, чтобы дать полюбоваться собою, и недалеко были идти к завтраку затем.

Ближе к ночи, когда уже даже самый беспокойны и рачительный ворон дремлет в гнезде, приобняв подругу, приходит черёд подать голос, дать знать об себе филинов с совами да сычатами. Охают они, на небо глядючи, где, из распахнутых створок раковины облака, словно им на потеху, катится жемчугом луна.

Ну, а отчего бы и не эдак-то? Не проще ли всё, не мельче? Так кого она не обглодает, та обыкновенность, кого не приведёт в изумление? Пусть кого угодно, только не вас!

Охота

На это было просто невозможно смотреть…

Трёхцветный кот неопределённой наружности и неряшливого, нелепого окраса сидел в задумчивости посреди двора. Кот был почти что хозяйский. В доме, под крышей которого он родился и начал различать черты и очертания окружающего мира, проживало много ему подобных, и помоложе, и покрасивее, но, тем не менее, он не был обделён ни уходом, ни вниманием. Кот был сыт… и именно поэтому, то, чем был занят теперь, вызывало недоумение. Этот кошачий проходимец[1] играл с мышью.

В том не было бы ничего зазорного, будь кот худ, голоден или обременён необходимостью помогать по дому, добывая себе расположение хозяев за миску молока и хвостик рыбки. Но кота не приобщали к хозяйству. Его кормили, имели в виду, даже чесали за ухом, но не более того. Что подвигло кота на ненужные никому подвиги? Одно лишь безотчётное побужденье[2], или любопытство, желание обратить на себя внимание, либо страсть к охоте, не как к средству для жизни, но как к утолению страсти?

Наблюдая за разбойником, ответ напрашивался сам собой. Кот был добытчиком, в первозданном значении этого слова. Со тщанием и размеренностью, он приготовлялся к поимке мыши, добывал её, но смаху не губил, а лишь слегка сбивал с толку. Отступая от несчастной, он давал ей возможность прийти в чувство, да не до конца, и едва мышка обретала способность двигаться, останавливал её.

Иная несчастная сдавалась сразу, той не хватало воли к жизни, а случалась, которая пыталась дать хищнику отпор, и, поднимаясь на задние ноги, неумело, но отчаянно боксировала перед наглой усатой мордой. С такими кот сражался азартно, неутомимо и терял интерес лишь только если понимал, что розовая ладошка с мелкими, остро отточенными ноготками больше не вздрогнет в его сторону никогда. А вот слабые, способные рухнуть в обморок при одном лишь виде кота, бывало, приходили в чувство и, хромая на всю душу, сливались с вытоптанной котом землёй, и исчезали в первой попавшейся норе. Чья уж она там оказывалась – было совершенно неважно.

Бесславное бегство утомляет разум не меньше беспричинной жестокости. А посему, – на это тоже было невозможно смотреть, без сердечной боли, что возникает всякий раз, когда распознаёшь некую очередную несправедливость жизни, с которой уж ничего нельзя поделать. Ибо – она такова, и представься однажды несколько другой, в роли жертвы вполне могли бы оказаться и мы.

[1] тот, который проходит через какую-либо местность

[2] инстинкт

Сын

– Срезай по одной и складывай в это ведёрко.

– А какие брать?

– Вот такие вот, мутные, что не успели созреть, но их уже прихватило морозом, те невкусные, их не трогай, птицы съедят. Которые на подсохшей веточке, они уже созрели, с ними холод не справился, да и отломятся легче. В общем, – бери те, которые нравятся.

– Мне тут никакие не нравятся, – проворчал он, и встал на цыпочки, дабы дотянуться до грозди.

Лоза несговорчиво топорщилась, отстранялась, царапалась и, казалось, вполне осознанно целилась прямо в глаза.

– Воинственный у тебя виноград.

– Есть такое дело. Прошлой осенью на него покушались все, кому не лень. Вот и воюет.

– Ну, так ты скажи, что свои.

– Скажу…

Впрочем, моего вмешательства не потребовалось, виноград довольно скоро всё сообразил и сам. Руки, что тянулись к нему, были нежны, они не рвали гроздья без жалости, но перебирали ягодки бережно, отводя ветви осторожно, словно локоны со лба.

– О, гляди-ка, птички поклевали!

– Оставь им, раз понравилось.

– А тут паук…

– Пускай живёт, не трогай.

Виноград был приятно озадачен, и, чтобы хоть как-то выказать благодарность в ответ на деликатное к нему обращение, принялся подсказывать сам, откуда сподручнее снять очередную гроздь.

Дело спорилось, а когда, в самый его разгар, небо прохудилось холодным пеплом снега, работа пошла ещё веселее. Как только ведёрко наполнилось сизыми, холодными, местами покрытыми белой пенкой снега ягодами, он спросил, пряча улыбку:

– Ну и зачем они тебе?

– Ой, знаешь, иногда гляжу на виноградник, и так хочется сока, аж скулы сводит.

– Так купи, – Скрывая улыбку ещё тщательнее, явно не всерьёз посоветовал он.

– Покупной, это не то… – Испуганно протестую я, и он, хотя и не выдаёт себя ничем, очевидно соглашается.

Ну, а как иначе-то? Нашему винограду всю весну и лето пел соловей. Дрозды баюкали своих птенцов в гамаках его лозы. Пухлые нарядные малыши из неги своих гороховых пижам следили за вознёй мышат с розовыми пятками в тени крапивы, подле витых стройных стволов, бережно удерживающих землю на своих руках.

– Все мы в руках друг у друга, как не крути… Как думаешь, я права?

– Не знаю. Может быть. – Сурово ответил он, и забрал из моих рук ведро с ягодами.

– Спасибо тебе! Без тебя бы я ни за что не справилась!

Он молча пошёл вперёд, но …какая бы была из меня мать, если бы я не была уверена в том, что он снова улыбается мне в ответ…

Лесная синица

Дождь мягкими, кошачьими лапами ступал по расстеленной к его ногам листве. Сама же осень, – серая, скучная, топталась на одном месте. Тьма ночи сменялась сумерками дня, а после – полутьмой полдня, что крепчала всё более к вечерней заре, которая, должно быть, происходила где-то там, в будуаре ноября, куда нет ходу всякому любому.

Опостылевшее дятлам всеобщее уныние, пробудило в них желание дурачиться. И, нимало не смущаясь сторонних суждений, принялись они летать наперегонки с листьями, к слову, – чаще всего удачливее оказывались вовсе не птицы. Да радость от успеха была весьма сомнительна, ибо предстояло смешаться с холодной слякотью земли, озябнуть самому и быть в конце концов растоптанным до неузнаваемости… Та ещё потеха. Не от того ли красные звёзды кленовых листов, с неверно выписанными лучами, выглядывали из-под исподу осени, дразнились острыми красными язычками? Верно, именно, что от того.

Запоздавшие на последнее потепление комары не кусали, но касались лица крыльями, облетая конфетти снежинок, а те всё одно – таяли в ряд на травинках. Их отточия, белой тушью по зелёному листу, были не менее многозначительны, но куда как более неопределённы, чем те, обыкновенные, что чёрным по белому.

Калина, отдавши всю горечь своей незавидной участи стоять по щиколотку в воде – ягодам… предстала пред ясны очи ноября совершенно нагой, в одних лишь рубиновых серьгах с бусами. Но как, чертовка, она была хороша!

Безобидная после второго мороза крапива, явно завидуя ей, вяло рассуждала о минувшей своей горячности и страсти. Те, кто слышали её, делали это из вежливости. Кому была охота верить престарелой даме со свалявшимся в мокрую паутину серебряным пушком над верхней губой.

Обернувшийся к жизни спиной день сделался вдруг ночью, и, проживая просочившиеся сквозь песок времени события, он вздрагивал во сне и кричал на разные голоса всех тех, кому и полагалось находится об этот час в лесу.

И вдруг… Словно выцветшая на солнце, ощутившая к себе беспричинную холодность, из чащи выпорхнула лесная синица. Скромного нрава прелестница, вся в белом, с недлинным чёрным шарфом, подчёркивающим траурность сей поры, она до этой минуты ни единого разу не давала знать об себе. И… как напрасно! Ибо полюбилась она с первого взгляда.

– А и надолго ли вы к нам?
– Как знать! Как знать!
– Ну, тогда до весны.

Пусть побудет на глазах, так спокойнее. Веселее так.

Однако…

Отца не стало в день Предпразднства Благовещения Пресвятой Богородицы, и всё сделалось горьким в том году: и море, и вишни, и виноград.

Кажется, одна лишь калина умерила, усмирила в себе привычную горечь. Прозрачные до плоской сути, весёлые ягодки стыдливо таяли прямо на глазах, ожидая третьих морозов, как третьих петухов, дабы после, как соберут гроздья, да искупают в семи водах, брызнуть на стороны густой своею кровью, разделить человеческую боль, умерить. А уже позже – разгладить морщины, успокоить сердце так, чтобы не вздрагивало попусту, не брало лишнего, не подпускало к себе. Ведь – не изменишь уже ничего. Не поправишь никак.

Неспешная поступь по тропинкам осени, когда каждый шаг переворачивает очередную страницу прожитого, так похожа на участь человека, который листает свою судьбу как бы не торопясь, да в самом деле – всё жаждет заглянуть, что указано на последней странице. А там-то – содержание, всё, из чего сложилась та прогулка.

Даже понимая про то, идёшь глядя под ноги, не поднимая головы в сторону рассвета. Не к чему, мол, виделись. Не оборачиваешься и на окрик ворона или жалобный скрип о грядущих морозах ствола. Что оно тебе чужая горесть? Своих скорбей не счесть.

Но вдруг, где-то недалеко, даже близко в стороне – неясный силуэт собаки или другого какого похожего на неё зверька. Глядит, не мигая, не дыша, прямо в душу, хорошо понимая, что у тебя там. И, опустошённый доселе не беспричинно, тотчас переполняешься ужасом, страхом за свою никчёмную жизнь, да бежишь прочь, в безопасное до поры место.

– Экий ты, братец, оказывается пугливый. Однако… – Отдышавшись журишь себя, сожалея несколько об утере трагичности, и тут же, ибо бытие не терпит пустоты, впадаешь в патетический тон, воодушевляясь: и слякотью, и духом прелой листвы, и настоящим, в котором ещё жив.

Быть добру

Вжавшись в развилку меж двух рубиново-красных почек калины, как в холодное, не слишком уютное, не располагающее к посиделкам кожаное кресло, божья коровка силилась заснуть. Сделать это было непросто. Как ни старайся отрешиться от окружающего мира, но отгородившись от него одной лишь кисеёй дремоты, невольно окажешься вовлечён в происходящее возле. Товарки разобрали места получше и поукромнее, а ей, неудачливой, осталось только прильнуть к веточке, озябнуть до весны, да уповать, что не смоет её во сне снегом с дождём, не позарится птица с голодухи на горькую букашку.

Однако же, – недаром сетуют на поспешность во всём, как в делах, так и в суждениях. Случился мимо калинова куста путник. Вдохнул он горький запах, примерился к тяжести ягод в горсти, потрогал веточки, нашёл их достаточно сухими, чтобы можно было уже ломать, да и взялся за дело. За час без четверти наполнил путник корзину пучками ягод, оставил только те немногие, – в цвет тыквенной корки, – которым не дано было набраться калинова духа, так только – немного от ядовитого его, вредного характера…

– А оно нам не к чему! – Усмехнулся путник. – Яду-то и в нас самих, хоть с кашей его ешь.

Так случилось, что вместе с ягодами в лукошко (ну, разумеется!) попала и божья коровка. И лежала она там, ни жива, ни мертва, по всё время, пока ягоду несли, мусор с неё трясли, да на скоблёный стол сыпали. Ну, а как попала божья коровка в тепло, приободрилась, принялась осматриваться, принюхиваться, приглядываться и на вкус пробовать.

Видит она – тепло, сухо, сладко. Решила – коли оставят зимовать, перечить не будет. Для приличия поманерничает, но на третий раз, как полагается, поклонится хозяевам в пол и скромно отправится в уголочек, дабы не быть колодой, не мешать никому. Ну, а если гнать станут, – делать нечего, уйдёт: в дверь, али в другую какую щёлочку, но не такой у неё характер, чтобы назойливой быть.

А наутро…

– Мать! Гляди-как, какую я животину в дом принёс!
– Кого ещё? Опять весь пол изгадит, небось?
– Та ни! Эта не испачкает, мала!
– Ну, не бывает так, чтобы в чистоте-то. Святым духом она, что ли, питается?
– Не богохуль! Водички сладкой накушалась и пляшет! Погляди, какая затейница-то!

Женщина подошла ближе. По блюдцу на столе кругами бегала божья коровка. Она так потешно косолапила, ловко загребая задними лапками, что женщина расчувствовалась:

– Надо же, топочет, словно детка… Радуется, что в тепле. Пускай себе живёт, да вот не раздавить бы ненароком.

– Не боись, мы смирные, не раздавим. – Успокоил мужчина жену, а божья коровка, как поняла, что её не выгонят, остановилась, запыхавшись, на самом краю блюдечка, там, где была маленькая щербинка, и кокетливо расправляя чёрную юбку крылышек, выдохнула:

– Ну, раз так, – уговорили, остаюсь!

А люди… рассмеялись после её слов.
Не то услыхали? Неужто поняли?! Значит, быть-таки добру, бы-ы-ы-ыть!

Ноябрь

Тутовик сбоку обломанной ветром осины, будто бы шляпа на вешалке в прихожей. Повесил некто и позабыл, ушёл без головного убора. Видать, торопился куда, сердешный. Не ко круглым ли столам пней, застеленным бархатными плюшевыми скатертями мха? А если и к ним. Подле них благопристойна беседа, не вызовет неловкость молчание, да и золотая рубашка карты осеннего листа будет бита с особенной вкусной удалью:

– Ну, а мы вас эдак-то, в масть!

Жаль, что портит всё седой начёс травы, что неряшлив столь, да зияет просветами поредевшая крона, обнажая главу вослед уходящей осени, а неловкий об эту пору ветер треплет безвозвратно букли птичьих гнёзд.

Надо признаться, ноябрь завсегда довольно-таки скуп на краски. Бывает же, как теперь, или того плоше, – не отыскать даже ягод рябины, что обыкновенно придают серым щекам лесной чащи свежесть через заметный издали румянец.

Яснотка[3] глядит на осень снизу вверх сиреневым своим цветком. По-разному кличут её. Кто глухой крапивой, кто конской, либо собачьей мятой, всяк горазд на своё. Вот только никому не придёт в разумение, сколь приметлива сия недолговечная, полезная травка[4], ибо, кажется, только одну её заботит то, что от частых стирок, кои любит устраивать осень, металлическая пуговка луны проржавела, так что рыжее пятно гало заметно растеклось по небу.

Ноябрь… Позади – вовсе зачёркнутый упавшими стволами путь в лето, и разбухшая от сырости, с пылью снега из-под неё, – дверь в зиму. Месяц, как месяц, не хуже и не лучше других, но всё же… Зачем так тоскливо-то, отчего?..

[3] Lamium purpureum

[4] одно-двухлетнее растение, используется в медицине и кулинарии

Счастье…

Счастлив человек или не очень? Как рассудить, кому? Некому, кроме него самого. Тем паче, со стороны всё всегда не так, как в самом деле. Чужой кусок слаще от того, что не ведаешь, из чего он, не знаешь про него всего, как про собственный. Вдруг, уронили его, стряхнули сор и откусывают помаленьку, не из-за того, что смакуют, а потому как боятся песка на зубах.

А горе? Со стороны – почти пустяк, ибо не твоё оно и где-то там, не с тобой.

Знавал я одного парнишку, семинариста, сбегал он частенько со товарищи ночами на некую гору. Ходили они глядеть на странное свечение, и не запросто, но тайно, с проводником. Насмотревшись на небывалый, необъяснимый свет, воздвигли парни однажды на той горе деревянный крест, «пугало», как недальновидно и неосторожно назвал его проводник. И что было больше в порыве юнцов – любопытства, веры ли, то думается, было непонятно им самим. Но не поступились путём, на кой вступили когда-то, признали в том чуде лики света, не тьмы, на том и успокоились.

Проводник после того загрустил, но нашёл себе занятие, благословили его сторожем в церковь. Говорил, что ли видение ему во сне было. Пустословит или нет, – неведомо, но не в разбойники же, в самом деле, пошёл.

Счастливая внешность не правильности черт, но от доброжелательности, что струится тёплым огоньком и, вырываясь наружу, освещает всё вокруг. А счастливая судьба, она какова? Успеется ли распознать, что это именно её силуэт сливается с сумерками жизни, после которых непременно нагрянет ослепительный, неминуемый рассвет.

Слово

Муха катается шариком по потолку, как пО столу. Коли бы не жужжание, могло бы почудится, что это студент, который приходит позаниматься с хозяйской дочкой грамматикой, постукивает по пюпитру ножиком для разрезывания страниц. Вдалбливая правила в девичью память, он изумляется тому, что и сам уже понял их, а девчушка по-прежнему смотрит на студента с доверчивой рассеянностью. Она сидит с прямой спинкой и приподнятым подбородком, жалобная, заметная едва улыбка делает её облик немного несчастным. Но, даже если это и не так, – ей совершенно определённо не до классов, она думает своё.

О платье, которое маменька обещали скроить из той миленькой материи, что подарила на именины тётушка. Про браслетик, подаренный папенькой и Рождественский бал, для которого будет шиться это платье и надеваться новый браслет. Вся загвоздка в кавалере, что танцевал с девушкой на весеннем балу, на Рождественском он тоже непременно должен быть. Ведь никогда прежде молодой человек не дразнил девицу и не волновал её комплиментами. А тут, в середине каждого тура, юноша вдруг начинал шептать ей на ушко. Достаточно громко, дабы пересилить музыку, да не так, чтобы расслышали другие пары танцующих.

Одно только слово, но каждую ударную ноту! От него жарко таяло под ложечкой, слабели ноги и в голове делалось такое невероятное кружение, что, если бы не желание слушать то слово бесконечно, девушка давно бы упала без чувств.

Впрочем… бал был ещё так далеко. И теперь, заместо растрёпанных, утомлённых долгой игрой до розовых глаз музыкантов оркестра, в такт той давешней мухе, дождь разыгрывается на всём, что может звучать. Глухие конечные щелчки по деревянным, скошенным от времени столбам ворот, долгий истончающийся звук, что издаёт навес над колодцем посреди двора, и звонкий, настоящий почти, как ненарочный «блямс!» из оркестровой ямы, – по перевёрнутому вверх дном ведру.

Слыша всё это, девушка принимается горько плакать, студент краснеет, бледнеет, выбегает из комнат вон… И после, в душном сумраке спальни, с мокрым платком на лбу, девица никак не может перестать рыдать. Ибо ей кажется, что дождь будет длится вечно, до конца дней, а зима не настанет никогда, и не доведётся больше услыхать того слова, которого желается всякому, во все времена.

На этот раз

Некоторые счастливчики говорят, что был некий момент в их жизни, когда «вся она пронеслась перед глазами», и кажется им грех жаловаться на судьбу. Ведь, коли могут рассказать о том, что произошло, значит, всё ещё существуют по эту сторону клумбы и глядят на окружающий мир от первого лица…

Наш герой пробудился затемно. Ему предстояло дойти до делянки, дабы свалить пару деревьев и распилить их на брёвна. Днём перед тем было ветрено, но особой надежды на то, что помеченные лесником деревья упадут сами, облегчив предстоящую работу, не было. Даже самые уязвлённые с виду стволы держатся за жизнь до последнего.

Не утомившийся накануне, лес кричал, понукаемый ветром. Рассыпанный по небу стеклярус звёзд от ожерелья, порванного ночью в танцах на пару с тем, кого теперь и не вспомнить, не ровня изыскам многих ювелиров. Всё, что можно было бы нафантазировать, давно уж выдумано природой, и от того, всякий понимающий толк в красоте, не упустит случая полюбоваться звёздным небом. И в этом был бы несомненный смысл, коли бы дорога шла не по лесу, а по тракту, либо по аллее парка, лучше ещё и под руку. Здесь же на каждом шагу поджидали подставленные подножки корней, обломанные в опасной близости от лица сучки, накренившиеся стволы, чьей жизни осталось – на пару кореньев, не вырванных ещё из земли.

Нетрудно догадаться, что прогулки, подобные этой, оканчиваются не всегда хорошо. Следующий восторженный взгляд навстречу небу, был прерван скрипом открывающейся двери. То раскачанный намедни ствол, не обнаружив в себе сил дольше противостоять магнетизму земли, обрушился, пал в её объятия, попутно придавив собой человека.

– Всё было именно так, как описывают в книгах: плёнка моей жизни от этого самого момента принялась крутиться к началу. Быстро-быстро, но чётко, ярко, узнаваемо, в подробностях, в которых невозможно не угадать образы, ощущения, лица людей: жена, тёща, мать, дед…

– До какого именно места?

– …

– Где была отправная точка?!

– … не помню… Зато, когда пришёл в себя, понял, что нахожусь недалеко от того места, где несколько лет тому назад насмерть придавило деревом соседа. И подумал ещё, что, если поздно хватятся, то мне не поздоровится. Хорошо хоть теперь осень, – лежать, истекая кровью, облепленным комарами, та ещё мука.

Пока я ожидал, что хотя кто-то вспомнит обо мне, мимо, сочувственно поглядывая, бродили косули, мышь бесцеремонно прогрызла карман, в котором завалялся сухарик, а вот паук, споро соорудив невод между придавившим меня деревом и воротником ватника, оказался добрее и избавил меня от мошек. Понимаю, что он это сделал не из сострадания, наверное, просто совпало так, но с тех пор я не трогаю пауков. Самое большее – сметаю свисающую часть паутины с потолка.

.

..Что то было в самом деле? Плёнка или пружина часов жизни? Я не успел понять, она неумолимо ускользала из моих рук. Скрученная во времени, временем, именно она даёт силы для хода, задаёт ритм, и могла заартачиться, имела право, ибо я был столь небрежен! Но некто, заглянув в моё сердце, покачал головой и взяв в руки ключ, что подходит к часам каждой из

судеб, затянул пружину вновь, расставив всё по своим местам. Так что всё обошлось… на этот раз.

Как и всегда…

– Что за ржавый круг вокруг луны?

– Ну, на это есть масса причин. Всё дело в преломлении световых лучей…

– О… опять?! Неужто всё так банально и объяснимо, подвержено некой устоявшейся раз и навсегда формуле? Лишь только воодушевишься неким явлением, ан нет! Оказывается, это всего-навсего некто, ломающий копья света, отчего вновь выходит чёрт знает что! Никакой поэзии. Обидно!

– Да зачем же именно так? В математике есть своя поэзия! Ещё Карл Теодор Вильгельм Вейерштрасс говаривал про то, что математик, который не является отчасти поэтом, никогда не достигнет совершенства. Точно ли его эти слова, но они точны, прости за тавтологию!

– Смешно…

– Что тебя рассмешило?!

– Как же… Веер да ещё штрассе[5]!

– Каким ты иногда бываешь…

– И каким же?!

– Неумным!

Приятели замолчали. Неловкость, что возникает в том случае, когда внутреннее несогласие между людьми облекают в слова, нагородило неочевидных, но явно ощутимых ими препятствий. Стало не о чем не то говорить, но даже безмолвствовать. И едва стена неприятия простёрлась до облаков, приятели почти одновременно приподняли шляпы, дабы распрощаться.

– Ну и пожалуйста!– Бросил на ходу тот, который чувствовал себя обиженным.

– Простите меня… – Прокричал невольный обидчик вдогонку. И… немедленно был прощён.

Эти двое знали друг друга с раннего детства, ещё их маменьки раскланивались и мирно беседовали, покуда малыши рвали игрушки из рук друг друга. Не повздорив хотя бы дня, они тосковали, ибо страсти, которые кипели промеж них были искренни, неподдельны, в самом деле лишены корысти и из-за того неподвластны времени, что, повинуясь привычке, давно уж состарило их.

…Тем же часом, со стеснённым дыханием и надеждой в сердце, дождик, не без умысла, протягивал ночи медное колечко, а та, надев его на пальчик, любовалась им при свете луны, улыбаясь мило, загадочно, нежно, впрочем, как и всегда…

[5] straße – дорога (нем.)

Неужто

Осенняя ночь сдвинула плотные шторы неба, расшитые снежинками звёзд. Несходные меж собой по образу и существу, они создавали, тем не менее, видимость единого, неделимого, незыблемого пространства. Чопорная, педантичная, ночь обещала сберечь всё, оставленное ей на сохранение до рассвета. Но едва за ажурными занавесками, сплетёнными из серых нитей лишённой листвы кроны стало видно утро нового дня, оказалось, что и правильность имеет-таки изъян, ибо, по виду за окном, – зима уже во всю распоряжалась округой. Хотя… ежели судить по календарю, то осени было отведено ещё довольно листочков, пусть и на малую часть вершка, но она покуда в своём праве.

С первых шагов, зима показала себя весьма искусной. Она умело завладела вниманием вся. Любое, чего касалась она, на что обращала свой взор, замирало, и обещало быть неизменным, покуда останется таковой воля самой зимы.

Малые травы ссутулились, высокие клонили головы, в ожидании, что снег обрушится им на плечи, и заставит покориться совсем. Уложенный осенью паркет листвы скрипел и скользил, словно недавно натёртый воском. А калина… дошёл черёд и до неё, – вздохнула горько, и почал виться ея пряный аромат по настоящему морозцу.

Красива сделалась картинка! Грузное ещё вчера, набрякшее небо раскидало по углам неряшливые ошмётки нечистых облаков, и в воздухе зазвенело предвкушение, – неясное, но сладкое, праздничное.

Вороны, изменив привычке, побросали свои насущные дела, и наслаждаясь прозрачным нектаром неба, купались в нём с осоловелым взором, приоткрыв рот, дабы непременно попало несколько капель на острый язык. Ну, а кроме, никто не решался ожечь крыла о первый мороз. Иные набирались храбрости, прочие жмурились в тепле спален, питая слабую надежду на то, что успеется, а то и вовсе обойдётся.

Так ли, нет, да осень топталась у порога, не решаясь взойти. Близость лета делала её мягкосердечной, а скорая зима… Неужели скучает кто? Неужто ждут её поскорей?

Повод

В сахарной глазури первого снега, пейзаж за окном приобрёл неурочный пасхальный вид. Не осмелев ещё, не дозволяя себе порчи диковинной в этот час новизны, белка прогуливалась по саду, но была более, чем осторожна. Упреждая каждый шаг, обмысливала его сперва, дабы не бросить тень на безмятежную безупречность снега, не оставить после себя не то следов, а даже намёка. Кажется, будь её воля, она б миновала и его, да где там спроворить эдакое. Ну, не птица же она, в самом деле!

С одобрением проследив за благопристойностью белки, лиса, усмехнувшись ласково, махнула пушистой кистью хвоста, подправила нечто невидимое в облике округи, сделала её если и не краше, то живее, понятнее, наряднее. Так улыбка портит надменность строгого лица, толкуя её по-своему, – от самого истока обиды, застрявшей где-то в детстве.

– Не правда ли? – привязанность к прошлому мешает быть счастливым, а оторванный от него, ты отчасти свободен…

– От чего же?

– Так от мук совести и сожалений, от воспоминаний о плохом и хорошем. Ты оказываешься совершенно одинок, безнадёжно пуст, можно сказать более , – делаешься совершенен… в своём убожестве и неблагодарности.

Опустошённость, что непременно овладеет тобой, неизменно сообщится окружающему, окружающим. Изъязвлённые ею, они станут тихо ненавидеть источник, а после и самоё себя…

– И это всё… из-за первого снега?!

– Да, хотя бы из-за чего. Для нас неважен повод. Совсем.

Под спудом снега

Придерживая в себе испуг, насколько это было возможно и выпятив по-генеральски грудь, зелёный дятел, наскоро напустив на себя важности, делал вид, что имеет весьма серьёзный повод для спешки. В действительности он трусил – бежал от ворона, что в шутку турнул его на подлёте к самой лакомой с виду виноградной грозди, когда они оба одновременно нацелились на неё.

А гляделись ягодки просто восхитительно! Казалось, лучшие голландцы[6] трудились за мольбертом, покуда писали, да вот с них или их самих… Виноградины прижимались одна к одной соблазнительными, упругими округлыми плечами, полными соков, но не теснили друг друга, а каждая помогала соседней выказать всё лучшее, что было в ней. Гроздь было приятно ласкать взглядом, деликатно трогать, баюкать, не срывая, но приподняв несколько над лозой.

Обещанная ароматом сладость загодя кружила голову, да в самом же деле виноград был весьма лукав. Который год подряд он манил к себе, обещая куда больше, чем мог дать. Синицы, и те брезговали им, сколь могли долго, а именно, – покуда мороз не брался за них всерьёз, и, бросив все иные занятия, не принимался облагораживать их и без того приличный образ по собственному разумению. Коли судить со стороны, морозу не хватало в птицах плавности форм, и он, не считаясь с усилиями, взбивал их одежды до возможной пышности.

Но что до самой зимы… Торопясь успеть наперёд снегопадов, она наспех просматривала записки осени, но не могла разобраться в них без помощи ветра, и тот, усердствуя чересчур, слишком быстро листал страницы листвы. Скреплённые переплётом земли, они отрывались от него иногда, но попадали в иной переплёт, где клей слякоти размещал их в определённом беспорядке, и оставалась надежда на то, что всё начертанное найдёт своего судию.

Впрочем, под спудом грядущего снега, как времени, кто там отыщет чего? А и станет искать – озябнет скоро, да бросит.

[6] вершина золотого века в живописи

Набело

Шитый белыми нитками снегопада лес. Или набело стачан?

Либо не шит, а наметан намеками, строчками звериных троп, как иглой с выскользнувшей давно ниткой, али шилом без дратвы[7], чтоб – на будущее задел. Чтобы после – наскоро, да крепко, нАдолго приладить воловью кожу наста к земле.

Исчерченные косулями косовые, испорченные их шаркающей походкой, сметает позёмкой. То в прочее время неочевиден лесной-то сквозняк, а при зиме, – вот он. Иной час до того расстарается, толкая в спину, что упадёшь, заодно умывшись снегом. Тщишься подняться – льёт холодного за ворот, хватает за валенки, и после мешается. Не то идти, но стоять неловко! Кроме того, настоль делается боязно: а ну. как вовсе заметёт, да так споро, что не успеешь разглядеть собственных недавних шагов. Сольются они с прочими следами, да низинками, и только по букетам в ряд безобидной нынче крапивы с изжёванными морозцем листами поймёшь, что прав в выбранной стороне.

[7] толстая смоленая нить, для шитья кожи, вервь

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.